

и портфель самого премьер-министра, а возможность взять на себя ответственность за действия, реально меняющие ход вещей, за необратимые решения, после которых начнется что-то новое, неизвестное, желаемое и одновременно страшное. Многие люди готовы пожертвовать материальным комфортом ради высоких идей или благородных лозун-

гов, но лишь немногие готовы рискнуть комфортом психологическим, моральным, взвалив на себя ответственность за Страну и Историю.

Ленин этой способностью обладал. И именно поэтому, спустя столько лет, мы продолжаем до хрипоты спорить о принятых им решениях и совершенных им поступках.

Борис Кагарлицкий

АНТРОПОЛОГИЯ СОВКА ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

Мы жили в СССР / Авт.-сост. О. А. Дыдыкина, С. О. Ермакова, В. Н. Куликова. М.: БММ, 2011. — 176 с.

Все началось с того, что культуролог Ольга Балла написала мне в письме: «Ира! Какую книгу я видела! Там советская цивилизация представлена как мир каких-нибудь этрусков. Больше всего мне понравился раздел „советская посуда“».

Я побежала в магазин.

Мне торжественно вынесли лакомый красный с золотом альбом «Мы жили в СССР».

«Скоро двадцать лет, как перестал существовать СССР, — говорится в аннотации, — огромная страна, мощная сверхдержава. Но память о бывшей великой империи жива, и до сих пор не утихают споры о ее победах, поражениях и роли в истории».

«... Интересно, как вспоминали свою империю римляне через двадцать лет после ее крушения?

Из школьного курса представлялось, что какие-то дикие люди, неизвестно откуда, ворвались в Рим и разрушили цивилизацию. На самом деле варвары заселяли римские земли постепенно, и два мира понемногу проникали друг в друга. Римских граждан все мень-

ше привлекала служба. Рим деградировал, становился все более «варварским». Экономика перестала расти. Удерживать границы империи становилось все труднее. Государственная идеология превратилась в пустые слова. И в один прекрасный день варвары взяли власть.

«Империя была взорвана изнутри, а не затоплена нашествием извне»³, — пишет французский историк Люсьен Мюссе.

Дошедшие до нас источники свидетельствуют, что уже в конце V века образованными людьми на руинах империи охватила волна ностальгии. Причем тосковали не только римляне, но и варвары: они пытались реставрировать старые здания, собирать римские книги и говорить на приличной латыни.

Увы, не очень получалось. И хотя не перевелись античные предметы, и здания, пусть и об-

3. Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск. СПб.: Евразия, 2008. С. 37.

ветшавшие, еще стояли на своих местах, люди забывали прежний смысл вещей и понятий, привычная связь между ними рвалась. Разрушались и хозяйственные связи. Например, раньше олово добывали в Британии, везли в Испанию, чтобы там сплавить с местной медью и сделать бронзу, а затем продать в Риме. Теперь вся Британия ела оловянными ложками с оловянных тарелок и не понимала, зачем в стране так много рудников...

«Это книга-ностальгия, — продолжают авторы альбома. — Она для тех, кто большую часть своей жизни прожил в СССР, для тех, кто был советским ребенком и чьи туманные воспоминания обретут после прочтения ностальгическую реальность» (с. 4).

Я была советским ребенком. Но воспоминания мои отнюдь не туманны — наоборот, они очень ясны. Все предметы, явления, человеческие связи были слиты в единый поток жизни. В книге «Мы жили в СССР» они существуют сами по себе и почему-то кажутся чужими.

И книга не приближает меня к тем временам, а наоборот, отдаляет от них.

Составители утверждают, что книга обращена к людям разного возраста, но, на мой взгляд, она адресована в первую очередь поколению, которое живет уже после краха этой цивилизации.

И советская история в альбоме становится похожа на диафильм. Связи между событиями почти нет, остались лишь кадры для детей. «Еще со школьной скамьи все помнят о том, что в ночь с 7 на 8 ноября 1917 г. в Петрограде произошло восстание российского пролетариата. Выстрел крейсера „Аврора“ возвестил о приходе новой эпохи. Рабочие, солдаты и матросы захватили Зимний дворец, почту, теле-

граф и свергли Временное правительство, провозгласив власть Советов. Эта дата вошла в отечественную историю как день Великой Октябрьской социалистической революции» (с. 77).

С этим трудно поспорить. Но событие предстает перед нами без связи с историческим контекстом, без причин и почти без последствий. Нам просто сообщают факты в хронологическом порядке. Рассказчики стараются ничего не упустить — ни плохого, ни хорошего. Но связь между «хорошим» и «плохим», их своеобразное единство, не осмысливается и не объясняется. Стилистическая картина тоже получается противоречивой: одни фрагменты написаны языком советской пропаганды, другие — языком самиздата. Эти два языка действительно некогда существовали одновременно. Но они противостояли друг другу. Теперь они механически объединены в одной книге, под одним корешком, и авторов это нисколько не смущает.

Мелькают зарисовки о государственном устройстве СССР, советских республиках, природных богатствах и великих стройках — время разворачивает перед нами жестковатую пленку.

Коммунисты и антисоветчики, вожди и функционеры, космонавты и спортсмены, писатели, облаканные властью, и писатели, властью гонимые, — все они словно выходят из маленькой жестяной коробочки.

Портреты знаменитых советских актеров, танцоров, эстрадных певцов, телеведущих, режиссеров... Мэтрам, впрочем, достается: «Режиссеры брали на сколько-нибудь значительные роли своих женщин: Бондарчук снимал свою жену Ирину Скобцеву, любвеобильный Пырьев — сначала первую жену Аду Войцик, затем Марию Ладынину, потом последнюю свою супругу Лионеллу Скирду. Женщи-

нам, не отвечавшим ему взаимностью, путь в кино был закрыт» (с. 95).

Правда, и актеры не всегда бывали на высоте:

« Опытный актер знал много хитроумных способов, как навредить новенькому сопернику, получившему его роль... напугать соперника, неожиданно бросив на сцену перед ним какой-нибудь предмет, например, ботинок с колосников... У молодого артиста такая жесткая шутка могла вызвать боязнь сцены... Советские актеры очень трепетно относились к званиям, премиям, регалиям и привилегиям и зорко следили за тем, чтобы соперники на гастролях их не обошли: не получили лучшее место в поезде или самолете и не заняли более дорогой номер в гостинице...

Впрочем, видимо, строй тут не причем — актеры сами по себе сомнительный народ: «СССР больше нет, пришло другое время. Но и без опеки парткомов и горкомов интриг и подкованной борьбы в театральных коллективах нашей страны стало не меньше» (с. 95).

И наконец, мы подходим совсем близко к удивительной общности: «советский народ». Задержимся здесь подольше.

Советский народ любят описывать через ритуальное празднование Нового года:

« В новогоднее меню каждой советской семьи обязательно входил салат «Оливье» (его готовили тазиками), шпроты, торт «Наполеон» и мандарины. Были также селедка «под шубой», финский сервелат, холодец, заливная рыба, курица, картошка с тушенкой, маринованные огурчики и помидоры из домашних заготовок (с. 161).

Отмечали и политические праздники: 7 ноября и 1 мая.

« Из двух праздников все-таки больше любили Первомай. В 1970–1980-х гг. о международной солидарности трудящихся уже мало кто задумывался — Первомай воспринимался как теплый весенний праздник, прекрасная возможность отдохнуть (в стране объявлялись целых 2 выходных подряд!), встретиться с друзьями и отправиться сразу после демонстрации на природу или в гости. На центральных улицах проходили концерты участников художественной самодеятельности, спортивные соревнования. 1 мая открывалось большинство парков, начинали работать аттракционы. Каждый находил себе занятие. После шествий не валялись бутылки и мусор на улицах. Драки были редким явлением (с. 77).

Описание нравов давних времен напоминает популярные книги из жизни туземцев с далеких островов.

«На гулянках почти всегда пели. Женщины затягивали „Виновата ли я“, „Что стоишь, качаясь...“ Хитом подвыпившей компании была песня „Ой, цветет калина“ из кинофильма „Кубанские казаки“ ... Сильно подвыпивших мужчин тянуло на революционные и военные песни („Смело мы в бой пойдем“, „И вновь продолжается бой!“, „Тачанка“, „Бьетса в тесной пещурке огонь“), а их жен — на женские слезливые: „Сладка ягода“, „Зачем вы, девушки, красивых любите?“, „Вот кто-то с горочки спустился“, „Калина красная, калина вызрела...“ (с. 161)

Жизненные циклы советского племени были столь же предсказуемыми как смена времен года. «Осенью после дождей наступала пора грибников. Грибы собирали не толь-

ко ради удовольствия: сушеные, маринованные, соленые, они вносили разнообразие в небогатый рацион советского человека, были закуской на праздничном столе» (с. 163).

«В теплое время года мужчины играли в шашки и „резались“ в домино во дворе дома. Частенько забивали козла в карты [я всегда думала, что „забивают козла“ именно в домино. — *И. Г.*], бывало и на деньги. Долгие зимние вечера коротали за лото» (с. 164).

«В теплое время года бабушки и дедушки сидели на лавочках. Соседки сплетничали и иногда пели под гармошку песни далекой молодости» (с. 143).

Интеллигенция не была замечена в этих практиках. «Советский интеллигент был хорошо образован, имел интересную творческую работу, обладал выдержанным, уравновешенным характером» (с. 65).

Люди, преодолевая скудость и однообразие жизни, все время что-то выдумывали, и весьма в этом преуспели. «В советское время не было столько видов развлечений, как сейчас, тем более, интерактивных. Поэтому приходилось искать себе интересное занятие. Одним из них являлась фотография» (с. 164).

«Кроме фотографии и игры на гитаре, советские люди занимались коллекционированием почтовых марок, значков, редких монет. Дети собирали фантики от конфет, обертки от жвачек [это сокровище редко было предметом массового коллекционирования. — *И. Г.*], открытки, календари, спичечные коробки и т. д.» (с. 165)

Авторы в своих описаниях свободно обращаются со временем, называя его просто «советским». Единый поток «бытовых практик» не разделен на разные периоды, и сведения о политических событиях идут параллельно в виде других картинок на других

страницах. Отсюда ощущение неточности и недостоверности, усиливающееся от того, что мы-то имеем дело не с нравами и обычаями, неизменно воспроизводившимися на протяжении столетий, а с бытом страны, которая радикально менялась.

При этом авторы, кажется, не очень понимают, какие явления принадлежат непосредственно советскому обществу, а какие — времени вообще и не имеют ничего специфически советского.

«Новогодние открытки покупали на почте задолго до праздника. Надо было успеть их отправить друзьям и близким: электронной почты с мгновенной доставкой тогда не было» (с. 161).

Кто бы мог подумать! Не было даже интернета и самих компьютеров. И не только в Советском Союзе...

«Для развлечения народ ходил в кинотеатры. Другой возможности увидеть хороший фильм у советских граждан не было: по телевизору с 2–3 каналами фильмы, особенно зарубежные, показывали нечасто, а видеомагнитофоны в те времена имелись у единиц» (с. 165).

О каком времени идет речь? Видеомагнитофоны появились в СССР только в начале 1980-х.

«В советских кинотеатрах не было ни попкорна, ни колы». Но в Советском Союзе их вообще не было, нигде! «Про 3D-форматы тогда даже и не слышали» (с. 165). 3D-формат существует всего-то несколько лет.

«Кинотеатры в СССР посещали не только дети и молодежь, но и люди старшего поколения. А влюбленные парочки ходили туда целоваться» (с. 165).

Интересно, как вели себя парочки где-нибудь в парижском кинотеатре? Неужели честно смотрели на экран?

Схожими были не только привычки, но и биология: «Первый ребенок

у большинства новобрачных рождался через девять месяцев, и к этому событию готовились заранее» (с. 136).

Перематываем советское детство с его садиками и манной кашей, школу со звездочками и галстуками и доходим до студенчества. И опять экзотика: «В советских вузах не было коммерческих отделений, учебу оплачивало государство. Тем, кто учился без „троек“ и не имел „хвостов“, давали стипендию, причем не символическую, как в постсоветские годы» (с. 131).

Я быстро листаю страницы с мелькающими фотографиями советских денег и облигаций, советских сигарет, спичечных этикеток, значков и добираюсь, наконец, до раздела «кухонная утварь советского времени». Вот оно! На нежной глянцевого цвета бумаге изображены отдельные предметы: так выставляются экспонаты в археологическом музее. Исследователь раскопал множество удивительных артефактов: фарфоровый петушок-перечница, мельхиоровый подстаканник, хрустальная менажница, бидон для молока, пельменница, консервный нож, эмалированный кофейник, сечка с четырьмя лезвиями, деревянные солонки и ложки с хохломской росписью и ваза из цветного стекла. И ведь еще живы люди, для которых это было естественной средой!..

Конец фильма. Пленка закончилась. Авторы хотят сказать на прощание какие-то хорошие слова.

«Во времена «парада суверенитетов» жители каждой республики надеялись на положительные перемены, которые произойдут с ними. В чем-то их ожидания оправдались, а в чем-то нет. Но жизнь на постсоветском пространстве постепенно налаживается. Все больше молодых и талантливых людей за-

являют о своем желании сделать страну лучше. Все громче звучит глас народа, молчавшего долгие 70 лет. Все острее люди начинают понимать, что от них самих зависит их будущее, будущее их детей и внуков. Что оставим мы своим потомкам в наследство? Хочется верить, что это будут конкретные дела, а не только ностальгия о прошлом. Но пусть это будут и лучшие воспоминания об СССР — стране, которой больше нет... (с. 175)

Готский король Теодорих Великий, наверное, так же разговаривал с римским народом.

...Рим 496 года. Ветер поднимает мусор с брусчатых мостовых. Империя пала двадцать лет назад — мусор никто не убирает. Растрепанная римлянка в шерстяной варварской юбке встречает свою соседку. «Здравствуй, Фульвия! — говорит та. — Что это на тебе за уродство?». «Сейчас так носят, Лоллия. — Да и платья давно истрепались». «И то правда, — вздыхает та. — А что твой сынок?» «Носится целыми днями. Школы-то закрывали. В нашем районе есть только одна, при монастыре, так туда не запишешь. А учат-то сейчас как! Падежи им устарели, оказывается! А что это у тебя, Лоллия?» «Вот, кастрюльку нес, прохудилась. Есть тут один молоденький варвар, он залатает. Кастрюлька-то еще хорошая, бабушкина. Раньше вещи из бронзы делали. А сейчас наляпают из железа — что в ней пригодишь?»

И римлянки, посудачив, расходятся в разные стороны.

Ветер усиливается.

По улицам великого города снуют люди в кожаных штанах. Кто-то тащит камень, кто-то — медный таз. Деревенские козы весело щиплют траву у Форума.

Ирина Глуценко